

УДК 821.161.1'06

ПОТЕНЦИАЛ ДНЕВНИКОВОЙ ПРОЗЫ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© Анна Маркусъ

POTENTIAL OF DIARY PROSE DURING WORLD WAR II

Anna Markus

The diary prose of the Great Patriotic War has been insufficiently researched, so far. In most cases the existing researches deal with the issues of genre poetics and specific constructive characteristics of diary prose. This article considers characteristic features of a diary prose phenomenon, based on the book "Vsevolod Ivanov. Diaries" by V. Ivanov, who was a witness and participant of the fighting. The work was published in full only in 2001 in accordance with the author's handwritten variant. Furthermore, researchers note a special character of Ivanov's diary prose. The article focuses on the principles, underlying the organization of the material and detects linguistic means of expressiveness, as well as an original intonation-rhythmic organization, which accounts for a special emotional and personal character of the work. V. Ivanov's diary is a piece of documentary fiction. It is a certain synthetic genre structure, which combines both documentary and fictional elements. The image of war, its "breath", is present in the text. The author identifies the dual goal of the diary aimed to create a war image and reveal the problems, facing people in the wartime.

Keywords: poetics traits, diary prose, ambivalent structure.

До настоящего времени дневниковая проза периода Великой Отечественной войны не изучена в полном объеме. В большинстве случаев исследования связаны с рассмотрением проблемы поэтики самого жанра, осмыслению в них подвергаются специфические конструктивные признаки дневниковой прозы писателей. В статье автор рассматривает специфику феномена дневниковой прозы, избрав в качестве репрезентативного образца произведение «Всеволод Иванов. Дневники» писателя В. В. Иванова. Немаловажно, что автор дневников является свидетелем и участником боевых действий. Полностью произведение было опубликовано только в 2001 году в соответствии с рукописным вариантом писателя, при этом составители подчеркивают особый характер дневниковой прозы В. В. Иванова. В статье акцентируется внимание на принципах организации материала, автор выявляет языковые средства выразительности, отмечает специфическую интонационно-ритмическую организацию в произведении, создающую в тексте особый эмоциональный личностный оттенок. Дневник В. В. Иванова представляет собой документально-художественное повествование, это особая синтетическая жанровая структура, сочетающая в себе как документальное, так и художественное начало, в произведении представлен мирообраз войны, «ее дыхание». Автор статьи выявляет двуединую цель дневника, направленную на создание образа войны и раскрытие проблем, затрагивающих людей в сложное военное время.

Ключевые слова: черты поэтики, дневниковая проза, амбивалентная структура.

Дневниковая проза понимается исследователями как литературный феномен, для постижения которого необходимо учитывать взаимосвязь с мемуарной литературой. Не пытаясь опровергнуть генетическую связь этих двух явлений, попробуем прояснить литературную специфику феномена дневниковой прозы. Благодаря дневникам мы можем прикоснуться к этой эпохе, прочувствовать и ощутить события, пережитые непосредственными ее участниками, и воспринимается это не через исторический документ, пронизанный статистическими данными, а по-

средством личной, интимной дневниковой записи, в которой совмещаются документальное и чувственное, объективное и субъективное, хроникальное и художественное начала.

При анализе произведений дневниковой прозы периода Великой Отечественной войны мы опираемся на дневники воевавших писателей – участников боевых действий (В. В. Иванов), тех, кто был в оккупации (Г. Л. Занадворов), принимал участие в разведывательных операциях (Н. Костерина). Несмотря на официальные запреты на ведение дневников и записей, несмотря

на крайнюю опасность попасть в руки врага, авторы этих «художественных документов» продолжали руководствоваться сердцем и душой, а их дневниковые записи вобрали в себя все пережитое.

В настоящее время дневниковая проза все чаще рассматривается как отдельный жанр с присущими ему характерными свойствами. Исследователи выделяют такие доминантные признаки дневников, как синхронность, непринужденный стиль изложения, самоидентификация, исповедальность, самоанализ, фрагментарность, использование закодированного языка, дискретность, политематичность.

Дневники писателей – самостоятельный литературный жанр. Причиной обособленного выделения дневникового жанра служит тот факт, что дневник является некой «оппозицией литературе» [Федотова, с. 30], искренность дневника, его открытость сотворчеству для читателя, этюдность [Там же] делают его популярной, удобной для восприятия литературной формой в XX веке. Наряду с такими традиционными формальными метами дневника, как периодичность и подневность, фронтовые дневники писателей обладают специфическими принципами организации материала. Авторы, описывая события, делают сноски на документы, письма, вводят беседы, разговоры с людьми, авторские размышления. Таким образом, можно говорить о том, что дневник в полной мере изначально подчиняется авторской идее, авторскому замыслу. Дневники писателей, как правило, «встраиваются» в их литературную деятельность, являются значимой частью творчества, представляют собой «этудный», «эскизный» материал для последующих произведений.

Многие исследователи подчеркивают двойственность и амбивалентную структуру дневникового жанра (С. В. Рудзиевская, И. Г. Даровская, В. В. Федотова). И. Г. Даровская отмечает, что дневники – произведения документально-художественные [Даровская, с. 9]. С. В. Рудзиевская осмысливает взаимообусловленность написанного в дневнике и биографии автора [Рудзиевская, с. 16–17], при прочтении дневников писателей автор становится в нашем восприятии литературным героем, люди, о которых он пишет, – в свою очередь, персонажами. Исследователь считает такое явление литературно маркированным [Там же, с. 17]. Другим литературно маркированным проявлением дневника является исповедальный характер жанра, установка на достоверность, документальность, синтез лирического и эпического начал, наличие в тексте вырази-

тельных средств языка, специфический метод и стиль, субъективно организованный хронотоп.

В дневниковой прозе писателей содержатся разнообразные сюжеты, краткие вставные рассказы, критические рассуждения и пейзажные зарисовки и стихотворения в прозе, благодаря чему эстетическая ценность дневников отлична от публицистики, документа, а также дневников «неписателей». Мы полагаем, что дневниковая проза является синтетической жанровой структурой, созданной в опоре на реальные факты. Дневники писателей эстетически организованы. Они являются отражением писательского мышления, вбирают в себя эстетический импульс, сочетают в себе как документальное, так и художественное начало. Амбивалентная структура дневниковой прозы выявляется на примере репрезентативного образца – дневника писателя В. В. Иванова. Творчество автора анализировалось с разных позиций, при этом собственно дневниковая проза автора как отдельный феномен не становилась до сих пор объектом научного исследования. Дневник В. В. Иванова полностью был впервые издан ИМЛИ РАН только в 2001 году. В собрании дневников писателя ИМЛИ РАН все дневники были опубликованы в соответствии с рукописным вариантом. Издателями отмечается специфический характер дневниковой прозы В. В. Иванова: в предисловии составители указывают на то, что военные дневники писателя отличаются от документальной литературы того времени и «приобретают черты художественной прозы» [Всеволод Иванов, с. 2]. Дневник В. В. Иванова очень личный, «я сказал, что веду дневник о себе, и для себя, так как, если удастся, буду писать о себе во время войны» [Там же, с. 5–12]. В военном дневнике В. В. Иванова представлен образ войны, ее «дыхание», он является своеобразной творческой лабораторией. В дневнике писателя присутствуют разного рода размышления, отступления; отчетлива монтажная форма. Свои дневники писатель вел с 1924 года до самой смерти – 1963 года. Когда В. В. Иванова направили на фронт, ему не присвоили воинского звания, он был под Вязьмой, Орлом, в Минске, Варшаве и в Берлине. По словам издателей дневника писателя, страницы дневника становятся похожими на «книжечки небольшого формата» [Там же, с. 5–15]. В 1942 и 1943 годах писатель делает подневные записи каждый день.

В дневнике писателя можно встретить портреты современников и людей искусства, писатель дает яркую характеристику своим современникам. Автор дневника прибегает к использованию внешних портретных деталей, при по-

мощи которых создается особая зрительная наглядность и осязаемость образов. При этом для прозы писателя характерно фиксирование отдельно взятых деталей, сквозь призму своего миропонимания и принятия современника автор дневника метонимически выделяет значимые черты. Ярко представлена в портретах современников экспрессивность, четко прослеживается ухудшающееся положение дел среди писателей и простых людей, автор подчеркивает, что во время войны судьбы людей рушатся, это находит свое отражение в облике человека.

В дневнике В. В. Иванова характерно употребление портретного описания и портрета-впечатления, например:

Эренбург, в новом костюме, однако кажущемся на нем засаленным, сидит в кресле и потягивает коньяк. У ног вертится облешая черная собачонка, которую кормили всем, даже сульфидином, но не выздоравливает. Я посоветовал давать водку. Костюм его осыплен пеплом, зубы гнилые, губы толстые, еле двигаются и цвет у них изношенной подошвы. Он важен необычайно [Там же, с. 218].

Многие дневниковые записи посвящены описанию жителей города, соседей и коллег по работе. Под пером писателя рождается портретная галерея современников. В произведении создается образ Ташкента, ярко и красочно воссоздается атмосфера города, пропитанная обманом и отсюда – постоянным страхом жителей:

Город жуликов, сбжавших сюда со всего юга, авантюристов, эксплуатирующих невежество, татуированных стариков, калек и мальчишек и девочек, работающих на предприятиях. Вчера видел толпу арестованных, – бледных, в черной пыльной одежде, – они сидели на корточках, посреди пыльной улицы [Там же, с. 167].

В ноябре 1942 года автор возвращается из Ташкента в Москву – город, в котором прошли довоенные годы. Москва изображается как страшный, безмолвный город:

Москва? Она странная, прибранная и такая осторожная, словно из стекла [Там же, с. 181].

Безмолвие города по-прежнему висит надо мной [Там же, с. 195].

В произведении создается образ города – причудливой и пугающей Москвы. В дневниковой записи автор философски и эмоционально заостряет внимание на мироощущении, рождающемся во время войны: даже обыкновенные сумки посетителей театра сравниваются автором с сетями смерти:

Открываешь дверь. Блестящие металлические вешалки, отполированный прилавок, за ним – женщина, принимающая пальто. Однако пальто нет. А на всех вешалках – авоськи из сеток, в них кастрюльки, какие-то мешки... С первого взгляда похоже на то, что брошены сети... Сети смерти, да? [Там же, с. 242].

Люди в городе изменились под гнетом беды, эти разрушительные последствия войны удручают, вызывают внутреннее неприятие писателя. Несмотря на то что в первые месяцы пребывания в городе писатель занимался написанием и доработкой материалов, он каждый день подмечал изменения в городе, в отношениях и поведении людей во время войны, он пишет о «скрытом», каждодневном героизме москвичей.

Особенное внимание автор дневника уделяет творчеству писателей-фронтовиков, метафорично характеризуя тяжелую ношу творческой личности, как и весь народ, ставшей заложником исторических событий, затянутой в страшный водоворот войны. Философски подчеркнута позиция писателя: война стремительна, изменчива и приспособиться к условиям невозможно:

Страна, мне думается, ждет – и напрасно. Но нас теперь несут не речи, а течение жизни, от которой речи отстают. Так же как если бы бежать за горной рекой, за ее течением [Там же, с. 95].

Метафорически в произведении отмечено отношение автора к критикам, при помощи дневника сильный по своей натуре человек освобождается от нервного напряжения (релаксационно-терапевтическая функция), В. В. Иванов понимает безысходность положения, и только страницы дневника способны избавить от тягот размышлений. Наблюдается использование разного рода отступлений. Несмотря на тот факт, что дневники написаны в военное время, автора не оставляет мысль о жизни, творчестве и бытии, неоднократно автор отходит от описания военных событий и задумывается о судьбе творчества:

Достоевский пишет ужасно неряшливо. Перед ним – вычищенные и выглаженные многочисленными редакторами – многочисленные современные писатели, как боги перед щепкой. Но эта – то сухая щепка, которая замкнет храм, где и задохнутся эти боги. Сейчас все крайности: героизм величайший, трусость величайшая, ложь величайшая. Понимание сего – величайшего, равно как и презрение ко всему – величайшее, – боже, неужели же из всего этого великого, получится лужа вонючая, из которой и шелудивый пес не пожелает пить [Там же, с. 125].

Автор дневника акцентирует внимание на проблеме осуществления задуманного, на проблеме творческого кризиса: писатель в условиях Великой Отечественной войны становится одновременно заложником, с одной стороны, исторических событий, а с другой – из-за непростых отношений с властью:

У нас же, – если взять по-настоящему талантливо-го, – из русских, – не у каждого выйдет, а затем, главное, не хватит упорства кричать и отстаивать свои позиции. Например, мой роман, с которым я страдаю. Не думаю, чтоб Эренбург или кто-либо по положению, равный мне, согласился бы так тихо и безропотно умертвить роман, как это сделал я? – История с романом все-таки продолжает меня злить [Там же, с. 296].

Автор вводит диалог с самим собой, прибегая к самоанализу (конститутивный признак жанровой модели), В. В. Иванов размышляет на фило-софские темы об искусстве, свободе и значении человека в судьбе народа. Организующим зве-ном, скрепой, придающей произведению харак-тер единства, является мотив творчества, возни-кающий параллельно с размышлениями о невоз-можности посвятить себя работе в стесненных обстоятельствах. Писатель обращается к мотиву сна, используемому для отражения авторской по-зиции, в котором перед читателем предстает об-раз рыбака и кладоискателя, звучит мысль о тщетности попыток осуществить задуманное:

Рыли узкую яму, клад, я и Ал. Толстой. Уже вид-но что-то белое, узкое... Проснулся! Заснул опять. Но, так как сон был яркий и второе спанье не заглу-шило его, то, встав, по обычаю предков, взглянул в «Сонник». Предстоит какое-то великое счастье, а за-тем такое же великое несчастье... И тут помпа! Коро-мысла всюду качаются вверх и вниз!.. [Там же, с. 292].

Дневник автора отмечен активным использо-ванием метафоры в ее эмотивно-оценочной и об-разно-наглядной функциях. Метафора как сред-ство используется автором для эмоционального воздействия, в качестве результата создается об-раз с конкретным эмоциональным содержанием:

Дни все еще солнечные, на тротуарах скалывают последний грязный лед, обнажены ободранные дома, – идешь и кажется, что, ошибкой, обменял свою жизнь на чужую. [Там же, с. 296].

И оказывается, лепет этот вызван немецким со-общением! Неужели мы не могли перебить заранее этого сообщения? Неужели не могли сообщить о по-терях немцев, а они, конечно, много теряют! Какая-то постыдная узда сковала наши губы, и мы бормочем,

не имея слова, мы, обладатели действительно велико-го языка: несчастная Россия [Там же, с. 111].

Образными сравнениями насыщены описа-ния быта, жителей городов, пейзаж:

Синие тучи, клочковатые, и среди них неровное жерло. Оно выпускает луч света. Он идет далеко-далеко по крышам домов, по кранам возле построек, и освещает, как прожектор театр. Затем большое жерло замыкается. Остается маленькое, точно поправка к тому. Но, это уже не то, словно получил сдачи двух-гривенным с червонца. Уходит и опять тучи, низкие, грозные, как шерсть, из которой катают грубые ва-ленки, вонючая, липкая [Там же, с. 317].

В произведении также активно используется олицетворение, что способствует выразительно-сти внешних и внутренних образов: тьма в горо-де превращается в существо, способное погло-тить население, автор психологически ощущает ее давление:

Вышли, и тьма, холодная, ветреная, мерзкая, ох-ватила нас [Там же, с. 186].

Другой основополагающей чертой произве-дения В. В. Иванова является наличие разного рода размышлений, отступлений. В основном это фрагменты, связанные с войной, образно и ярко демонстрирующие отношения автора к происхо-дящему. Подневные записи 1944 года заканчи-ваются некрологом писателя, в котором автор раскрывает путь становления и деятельность пи-сателей, их нелегкой судьбы. Произведение ха-рактеризуется обилием изобразительных синтак-сических средств, интонационных фигур. Мно-гочисленные риторические вопросы и восклица-ния способствуют отражению эмоциональных моментов жизни, взволновавших писателя.

Анализ дневников В. В. Иванова позволяет сделать вывод о том, что дневники писателя представляют собой документально-художест-венное повествование, завершенное целое. В произведении предельно активно употреблены тропы, они способствуют художественной выра-зительности, эмоциональности и образности; со-здается яркий образ войны, четко прослеживает-ся авторская позиция в отношении военных дей-ствий, чему во многом способствуют эмоцио-нальные характеристики, авторская позиция, от-крыто выраженная в лирических отступлениях. Многочисленные лирические отступления объ-ясняют двойственный характер, двуединую цель дневника В. Иванова: с одной стороны, создать зримый образ войны, с другой – акцентировать внимание на сущностных вопросах, не утрачи-вающих значимости даже в условиях самых

страшных событий: творческом потенциале человека, его взаимоотношениях с людьми, с миром, с войной.

Список литературы

Всеволод Иванов. Дневники. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 492 с.

Даровская И. Г. Писательский дневник и его модификации (На материале творчества Маркса Фриша): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1992. 22 с.

Рудзиевская С. В. Дневник писателя в контексте культуры XX века // Филологические науки. 2002. № 2. С. 12–19.

Федотова В. В. Поэтика дневниковой прозы И. А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 182 с.

References

Darovskaja, I. G. (1992). *Pisatel'skij dnevnik i ego modifikacii* (Na materiale tvorчества Marksa Frisha): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [A Writer's Diary and Its Modifications (Based on Marx Frisch's Works): Ph.D. Thesis Abstract]. 22 p. Kiev. (In Russian)

Fedotova, V. V. (2010). *Pojetika dnevnikovoj prozy I. A. Bunina* : dis. ... kand. filol. nauk [Poetics of I. A. Bunin's Diary Prose: Ph.D. Thesis]. 182 p. Kazan. (In Russian)

Rudzievskaja, S. V. (2002). *Dnevnik pisatelja v kontekste kul'tury XX veka* [A Writer's Diary in the Context of the 20th Century Culture]. P. 12-19 // *Filologicheskie nauki*. No. 2. (In Russian)

Vsevolod Ivanov. (2001). *Dnevniki* [Diaries]. 492 p. Moscow: IMLI RAN, Nasledie. (In Russian)

The article was submitted on 06.07.2016

Поступила в редакцию 06.07.2016

Маркусь Анна Михайловна,
аспирант,
Южно-Уральский
государственный университет,
454080, Россия, Челябинск,
пр. Ленина, 76.
lavrovaanna@lenta.ru

Markus Anna Mikhailovna,
graduate student,
South Ural State University,

76 Lenin Pr.,
Chelyabinsk, 454080, Russian Federation.
lavrovaanna@lenta.ru